

доказывалъ не свое, такъ сказать, индивидуальное благочестіе, а то, что онъ зналъ, когда считается необходимымъ для благочестиваго человѣка выражать особенную набожность. Если же не зналъ, то о времени, въ которое нужно это выраженіе, онъ часто судилъ по тому, когда другіе люди начинали дѣлать низкіе поклоны. Подозрѣвая лицемѣріе въ бывшемъ великомъ раввинѣ, новыя его сослуживцы умѣли вывести его, по пословицѣ, на свѣжую воду. Однажды, во время литургіи у Левисона съ однимъ изъ нихъ зашелъ разговоръ. Левисонъ съ горячностью занятъ былъ имъ и не обращалъ вниманія на то, что совершалось въ это время въ церкви. Тогда другой сослуживецъ, стоявшій рядомъ съ разговаривавшими, сдѣлалъ очень низкій поклонъ. Левисонъ, замѣтивъ это, тотчасъ же сталъ на колѣни и принялъ благочестивую, восторженную фигуру, но къ неудовольствію своему услышалъ, что тогда—во время большого выхода—священникъ на амвонѣ обыкновеннымъ образомъ поименовывалъ членовъ царствующаго дома. Эта, конечно, неодобрительная шутка сдѣлалась извѣстною ректору академіи, который впрочемъ, зная уже Левисона, не нашелъ нужнымъ дѣлать выговоръ участникамъ въ ней, но одному изъ нихъ съ усмѣшкою сказалъ: «вы, вѣроятно, считаете Василія Андреевича инструментомъ, посредствомъ котораго можно производить опыты». Но самъ Левисонъ хоть и долго сердился на сыгравшихъ съ нимъ шутку, однако сдѣлался поощреніемъ въ выраженіи своихъ quasi-благочестивыхъ порывовъ.

У Левисона до обращенія его въ православіе была въ виду карьера повыше академической профессуры. Его можно было назвать честолюбивымъ фантазеромъ. Онъ, какъ самъ иногда проговаривался въ порывахъ откровенности, надѣялся, что русское правительство рано ли или поздно поручитъ ему обращеніе евреевъ въ православіе и за апостольскіе подвиги при исполненіи этой обязанности сдѣлаетъ его архіереемъ обращаемыхъ и обращенныхъ имъ евреевъ. Можетъ быть, къ немалой досадѣ своей, онъ уже поздновато узналъ, что еврею, принявшему православіе, вполне недоступна въ Россіи епископская кафедра. Пришлось такимъ образомъ довольствоваться званіемъ ординарнаго профессора петербургской духовной академіи. Но и въ этомъ званіи онъ не принесъ той пользы, которой ожидать была въ правѣ академія и которую сулили патроны его.

Не скрывая вообще неудовлетворительнаго положенія академіи въ учебномъ отношеніи при ректорствѣ Доброхотова, я считаю однако необходимымъ сказать, что хотя и самъ онъ не принад-